

КОНФЛИКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТУРЦИИ И США В РАМКАХ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

Данила Крылов*

Алина Сбитнева**

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

ORCID: 0000-0003-1982-4678

ORCID: 0000-0002-9196-9348

© Д. Крылов, 2024 г.

© А. Сбитнева, 2024 г.

DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149

Аннотация В статье исследуется конфликтное взаимодействие Турецкой Республики и Соединенных Штатов Америки в контексте сирийского кризиса. Выявлено, что если Анкара на раннем этапе сирийских событий руководствовалась преимущественно идейно-ценностным фактором, то США преследовали свои национальные интересы, стремясь всеми способами извлечь из ситуации как можно больше преференций. Этим подходом в значительной мере продиктовано и сотрудничество США с курдскими формированиями в Сирии. Сделан вывод о том, что, несмотря на не прямое вхождение Турции в конфликт в качестве партнера США в начале «арабской весны», в первой половине 2020-х годов Анкара уже являлась вполне самостоятельным игроком на сирийской арене. Сирия окончательно выделилась в отдельное направление внешнеполитической деятельности Турции, не связанное с региональной политикой США. При этом самостоятельность Турции, не принимаемая американской стороной, является дополнительным фактором, осложняющим координацию между ними «на земле». Выявлено, что ключевой проблемой, повышающей уровень конфликтного взаимодействия Анкары и Вашингтона в Сирии, остается проблематика американского сотрудничества с курдскими формированиями. Для оценки перспектив трансформации конфликтного взаимодействия Анкары и Вашингтона в статье используются теория сценариев с фокусом на методике «неизбежное будущее», а также метод SWOT-анализа. На этой основе сделан вывод о неизбежности эскалации напряженности между Турцией и США в Сирии. При этом ключевой переменной становится степень остроты конфронтации США и Турции. Анализ возможностей и угроз для двустороннего взаимодействия показал ограниченность положительного исхода и его зависимость от изменения баланса сил в регионе с участием третьих игроков.

Ключевые слова Турция, США, Сирия, курды, партия «Демократический союз» (PYD), Отряды народной самообороны (YPG), нефть, террористические группировки, сценарный анализ, SWOT-анализ

* Данила Сергеевич Крылов – научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), кандидат политических наук.

Danila Krylov is a Researcher, Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences.

** Алина Игоревна Сбитнева – научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН.

Alina Sbitneva is a Researcher, Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences.

Title **Conflict interaction between Turkey and the United States in the Syria crisis**

Abstract The article examines the conflict interaction between Turkey and the United States in the context of the Syrian crisis. It reveals that while Ankara at the early stage of the Syrian events was guided primarily by the ideological and value-based impulses, the United States pursued its national interests trying to extract as many preferences as possible from the situation by all means. This approach has largely shaped the U.S. cooperation with the Kurdish groups in Syria. It is concluded that, despite Turkey's indirect engagement in the conflict as a U.S. partner at the beginning of the Arab Spring, in the first half of 2020s, Ankara already posed as an independent player in and on Syria. The latter has finally emerged as a separate area of the Turkish foreign policy activity unrelated to the U.S. regional policy. Turkey's independence which is not accepted by the American side has become an additional factor complicating coordination between the two states on the ground. It is shown that the problem of the U.S. cooperation with the Kurdish formations remains the main factor that raises the level of conflict interaction between Ankara and Washington in and on Syria. Scenario planning theory, with a focus on the "inevitable future" technique, and the SWOT analysis method are used to assess the prospects for transforming the patterns of conflict interaction between Ankara and Washington. On this basis, it is concluded that escalation of tensions between Turkey and the United States in and on Syria is inevitable, with a degree of the severity of the confrontation between the two states as the key variable. An analysis of opportunities and threats for bilateral interaction shows the limitations of a positive outcome and its dependence on shifts in the regional balance of power with the participation of third players.

Keywords Turkey, United States, Syria, the Kurds, Democratic Union Party (PYD), People's Protection Units (YPG), oil, terrorist groups, the scenario method, SWOT analysis

I. Введение

Турецкую Республику нередко называют южным бастионом Североатлантического альянса (НАТО) и одним из ключевых союзников США на Ближнем Востоке. В рамках ближневосточного вектора американской политики Анкара на протяжении длительного времени рассматривалась Вашингтоном в качестве официального представителя интересов Запада и НАТО в регионе. С началом «арабской весны» и изменившейся расстановки сил на Ближнем Востоке Турция и вовсе стала играть роль своеобразного плацдарма по подготовке проамериканских военизированных структур, а также «перевалочного пункта» на пути радикальных боевиков–повстанцев в страны арабского Востока.

Особую актуальность Анкара как стратегический союзник США обрела с началом гражданской войны в Сирии. Стратегическое значение Турции, прежде всего, определяется ее географическим расположением – страна имеет наиболее протяженную границу с Сирийской Арабской Республикой длиной более 800 км. На востоке Турции находятся два военных объекта НАТО, которые автоматически превращают ее в стратегический пункт на случай возникающих на сопредельных территориях вооруженных конфликтов: авиационная база «Инджирлик», используемая также командованием военно–воздушных сил (ВВС) США, и радиолокационная база «Кюреджик», доступ к которой также есть у американских военных.

Изначально Турция втянулась в сирийский кризис в качестве игрока западной «коалиции», пожертвовав ради этого на тот момент вполне состоявшимися двусторонними отношениями с Дамаском и своей внешнеполитической доктриной «Ноль проблем с соседями». С 2011 г. турецкая территория использовалась в качестве базы и переговорной площадки для так называемых «оппозиционных группировок», осуществляющих борьбу против сирийского правительства Башара Асада. Среди них – Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС), Сирийский национальный совет (СНС) (до 2014 г. – в составе НКСРОС), поддерживаемый Западом и сирийскими исламистами из числа местных «Братьев–мусульман»*, а также Свободная сирийская армия (ССА).¹ В 2014 г. Турция вошла в состав сформированной под эгидой США международной коалиции, в качестве своей официальной цели объявившей борьбу с «Исламским государством» (ИГ/ИГИЛ),** однако турецкое участие в ней в основном ограничивалось подготовкой отрядов вооруженной оппозиции в специально созданных для этих целей лагерях. Позднее к работе с разного рода оппозиционными вооруженными формированиями свелась и деятельность коалиционных сил в целом.

Примечательно, что на ранних этапах сирийского конфликта и США, и Турция во многом поддерживали одни и те же оппозиционные группировки, в свою очередь, опиравшиеся на исламистов или же произраставшие из связанных с ними религиозных ячеек. Представители умеренно–исламистской Партии справедливости и развития (ПСР), находящейся у власти в Турции с 2002 г., в т. ч. ее основатель Реджеп Тайип Эрдоган, никогда не скрывали своих симпатий к исламистским партиям Ближнего Востока и Северной Африки и поддерживали их возникновение во многих регионах. В политике Турции это, в частности, проявилось не только в содействии планомерному укреплению «Братьев–мусульман» в Сирии, но и в оказании совместно с Катаром существенной поддержки этому движению в ходе военного переворота в Египте в 2013 г.²

По сути, Турецкая Республика образца рассвета «арабской весны», светская по конституции, с одной стороны, была частью западного ближневосточного «революционно-демократического» фронта, а с другой – видела свою идеологическую задачу в укреплении властных позиций исламистов в своем ближнем окружении и в регионе в целом, которые при этом придерживались весьма далеких от прозападных демократических взглядов. В этом контексте выдвинутая западным миром идея свержения Б.Асада – алавита, поддерживающего светский характер государства, казалась Турции удачной и парадоксальным образом соответствовала интересам ее руководства.³ Обвинения сирийского лидера в нелегитимности, все громче звучавшие со стороны США, а затем и Турции, стали логичным продолжением совместной турецко–американской политики по смене правящей элиты Сирии.

Несмотря на это, зерном, в дальнейшем породившим противоречия Анкары и Вашингтона по сирийской проблематике, стал идейно–ценностный фактор: идеологические различия в турецких и американских подходах к реализации, на первый взгляд, общих целей, которые проявились уже на этой ранней стадии

* «Братья–мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун») – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116, вступившего в силу 04.03.2003 (далее везде).

** «Исламское государство», или «Исламское государство в Ираке и Леванте», (ИГ/ИГИЛ) – организация, признанная террористической и запрещенная на территории Российской Федерации решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С, вступившего в силу 13.02.2015 (далее везде).

сирийского конфликта. Глубинная цель Турции выходила за рамки свержения Б.Асада. Анкара воспринимала происходящее как некую миссию и исходила из того, что к власти в соседней стране должны прийти не протеже США, а определенные круги со вполне конкретным мировоззрением. Помимо этого, косвенно вступая в конфликт на стороне Запада, Турция в равной степени рассчитывала на преференции, вероятно, полагая, что ей, как союзнику, по итогу будет предоставлена определенная сфера влияния на соседней территории.

США, напротив, руководствовались жестким реализмом, в рамках которого следование национальным интересам ставилось превыше всего. При этом соответствие ожиданиям Анкары в перечень американских интересов не входило. Таким образом, «общие» турецко–американские задачи и единоголосная поддержка вооруженной оппозиции режиму Б.Асада, все отчетливее обретавшей преимущественно исламистский характер, имели разные цели и природу. Для Турции содействие исламистам на раннем этапе конфликта было принципиальным вопросом идеологического характера, в то время как для США исламисты, готовые оказывать сопротивление сирийскому правительству, являлись лишь средством борьбы, причем легко заменяемым, и не рассматривались в качестве долгосрочного партнера. Таким образом, если Турция избирательно подходила к механизмам реализации сирийской политики, то США руководствовались принципом «достижения цели любыми средствами».

Со временем, помимо все более явных различий во взглядах по региональным вопросам, турецко–американские отношения стали осложняться по мере переориентации внешнеполитического курса Анкары с прозападного вектора на восточный, а также с ростом противоречий по другим международным вопросам. К середине 2020-х годов сотрудничество США и Турции в контексте сирийского кризиса наиболее точно характеризуется как конфликтное взаимодействие. В 2016 году, который стал поворотным для турецкой внешней политики, Турция сделала выбор в пользу курса на независимость во внешней политике, отразившийся в т. ч. на ее сирийском направлении.

По прошествии более десяти лет с момента образования международной коалиции на сирийском треке турецко–американских отношений наметилось сразу несколько существенных «линий разлома», ставящих под вопрос целесообразность дальнейшего взаимодействия сторон. Конфликтные узлы Вашингтона и Анкары в рамках сирийского кейса могут быть сгруппированы по признаку возможности их преодоления в долгосрочной перспективе как (1) маловероятные и (2) вероятные.

К первой группе относятся практически неразрешимые противоречия, затрагивающие национальные и жизненно важные интересы сторон, а ко второй – дискуссионные вопросы, по которым в теории может быть достигнут компромисс, например, путем согласования позиций или за счет уступок одной из сторон. В данном случае осложняющим фактором является то обстоятельство, что вопросы, представляющие жизненно важный интерес для Турции а, следовательно, не поддающиеся обсуждению, не являются таковыми с точки зрения США, и наоборот. При этом ко второй группе в основном относятся вопросы, волнующие, прежде всего, американскую сторону: в частности, такие противоречия дипломатического характера, как, участие Турции в инициированном российской стороной Астанинском процессе по Сирии, проблематика взаимодействия Анкары с Москвой по Идлибу, осуществление ими совместного патрулирования зоны деэскалации в Сирии и т. п. Все это, с одной стороны, явно не соответствует региональным интересам Вашингтона, а с другой стороны, не затрагивает

жизненно важные интересы США. Как уже отмечалось, данный тип противоречий характеризуется непостоянностью и в перспективе с высокой долей вероятности может претерпеть изменения как ввиду смены приоритетов Турции и/или США, так и в силу трансформации международной обстановки.

II. Курдский фактор в американо–турецких отношениях

Одним из наиболее сложных вопросов для Анкары и Вашингтона в Сирии является проблематика задействования в конфликте американской стороной курдского фактора. Как уже отмечалось, в сирийском кризисе, как и в своей ближневосточной политике в целом, американская сторона исходит из принципа получения максимальной выгоды любыми доступными средствами, активно меняя механизмы по реализации желаемого.

Усиление влияния террористического ИГИЛ, потенциал и амбиции которого к 2014–2015 годам уже вышли далеко за рамки роли, отведенной ему США, не входило в планы Вашингтона. В связи с угрозой неконтролируемого роста международной террористической активности, к которому в значительной мере привела неудачная «война с терроризмом» под руководством США (особенно в Афганистане, а также в Ираке, где и возникло ядро ИГИЛ) и которому способствовала американская политика по созданию «управляемого хаоса» на Ближнем Востоке, у прямых и косвенных акторов сирийского кризиса возникла новая подзадача по борьбе с международным терроризмом. В отличие от Турции, имеющей общую с Сирией границу, принявшей миллионы сирийских беженцев и попавшей под прямую угрозу деструктивной деятельности наиболее радикальных террористов–боевиков, США, территориально отдаленные от центра террористической активности и не имеющие к региону прямого отношения, использовали рост терроризма в качестве основания для ввода войск на территорию Сирии и контроля над ситуацией непосредственно «на земле». Однако согласия официального правительства Сирии на ввод войск США не запрашивали и не получали. При этом американское военное присутствие не ограничилось одной–двумя военными базами, а фактически свелось к оккупации сирийских провинций, находящихся север–восточнее р. Евфрат.

Постепенно стало очевидно, что для одновременной борьбы и с правительством Сирии, и с террористическими элементами исламистские группировки не подходили. С учетом этого для решения второй задачи США сделали акцент на курдских формированиях,⁴ которые стремились получить от участия в сирийском конфликте расширение своих прав, в т. ч. территориальных. США в основном взаимодействуют с курдской партией «Демократический союз» (PYD)^{*} и ее вооруженным крылом – Отрядами народной самообороны (YPG),^{**} которые активным образом снабжаются американским оружием.

По данным турецких исследователей, только за июнь–июль 2017 г. США предоставили курдским группировкам, действующим в Сирии и Ираке, помощь объемом более 900 грузовиков, включающую в себя автоматические винтовки, многоствольные гранатометы, минометные и артиллерийские боеприпасы, противотанковые комплексы “Javelin” и “BGM-71 TOW”, многоцелевые транспортные средства типа “HMMWV” (High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle), а также бронемшины “Cougar” и небольшие беспилотные летательные аппараты

* Курд. “Partiya Yekîtiya Demokrat” (PYD).

** Курд. “Yekîneyên Parastina Gel” (YPG).

(БПЛА).⁵ Все статьи этого «экспорта» открыто фигурировали в расходах министерства обороны США.⁶

В свою очередь, Турция рассматривает указанные формирования в качестве регионального крыла Рабочей партии Курдистана (РПК), деятельность которой на территории страны запрещена и признана террористической. Турецкие власти обвиняют PYD и YPG в совершении нападений на приграничные турецкие города (в первую очередь, под ударом оказывается провинция Газиантеп, находящаяся вблизи сирийской границы). Американская сторона, напротив, нередко опровергает заявления турецкой стороны и причастность сирийских курдов к атакам по объектам на территории Турции, подчеркивая, что США пристально следят за передаваемым YPG оружием, которое, по словам бывшего командующего операцией США по борьбе с ИГИЛ в Сирии С.Таунсенда, использовалось лишь в рамках антитеррористических кампаний против боевиков «Исламского государства».⁷

На фоне подобных заявлений западных «союзников» и приграничных атак боевиков, продолжавшихся с сирийской территории, в 2016 г. в политике Турции по Сирии произошел переломный момент. Если до этого Турция все еще рассматривала сирийский кризис как часть своей совместной с США региональной политики, то теперь Сирия выделилась в отдельное, самостоятельное внешнеполитическое направление Анкары, не связанное с курсом Вашингтона. В то же время стоит отметить, что сложившаяся к тому моменту расстановка сил в регионе существенным образом нарушила начало военной операции РФ в Сирии осенью 2015 г. по просьбе и в поддержку центрального правительства этой страны. Это сузило возможности по маневрированию Турции на сирийском треке как в политико–дипломатической сфере, так и непосредственно «на земле».

III. Военные операции Турции против курдских формирований

В августе 2016 г. Турция впервые объявила о вводе войск в Сирию в рамках антитеррористической военной операции под названием «Щит Евфрата». Ее целью стала зачистка приграничной зоны от террористических элементов, под турецкое определение которых попадают не только члены ИГИЛ, но и разного рода курдские формирования. Анкару серьезно беспокоило приближение к сирийско–турецкой границе курдских сил, и основной целью всех предпринятых военных маневров, помимо борьбы с ИГИЛ, было именно оттеснение YPG к востоку от Евфрата, их вывод из города и района Манбиджа и создание впоследствии буферной зоны вдоль сирийско–турецкой границы.

Примечательно, что решение о начале этой операции не было согласовано ни с правительством Сирии, не признаваемым официальной Анкарой, ни с США. Однако некоторые источники отмечали, что Турция начала «Щит Евфрата» при воздушной поддержке США и сил Свободной сирийской армии на земле,⁸ что, тем не менее, было опровергнуто официальными представителями США. Так, пресс–секретарь Пентагона П.Кук потребовал от Турции прекратить кампанию, обосновав это тем, что в регионе проведения операции – на юге г. Джараблус (*мухафаза*, или провинция, Алеппо) – не осталось террористов,⁹ имея в виду исключительно членов ИГИЛ. Хотя накануне США могли участвовать в операции по ликвидации боевиков ИГИЛ с воздуха, «Щит Евфрата» следует рассматривать как единоличную кампанию Турции, не связанную с действиями американских военных.

В этом смысле особенно показателен как свидетельство трансформации подходов Турции к взаимодействию с США сам факт начала операции в день прибытия с визитом в Анкару Дж.Байдена – на тот момент вице-президента США,¹⁰ прилетевшего в т. ч. для консультаций по курдскому вопросу в контексте сирийской проблематики. Подобную решительность Турции, вероятно, спровоцировала и весьма сдержанная реакция Вашингтона на совершенную в июле 2016 г. в Турции попытку государственного переворота и последующий отказ США экстрадировать с американской территории его зачинщика Фетхуллага Гюлена, по версии турецких властей, и движения его последователей – запрещенной в Турции организации FETÖ.*

Несмотря на обещания американской стороны контролировать перемещения курдов, не допуская их переход через Евфрат, и существенное оттеснение YPG по итогам операции «Щит Евфрата», она стала лишь началом серии турецких военных кампаний в Сирии, которых, по состоянию на середину 2024 г., состоялось уже четыре. Для Турции принципиальной задачей в Сирии по-прежнему остается предотвращение создания приграничного курдского анклава и расширения подконтрольной курдским формированиям территории. По этой причине любое приближение YPG к сирийско–турецкой границе рассматривается официальной Анкарой в качестве угрозы национальной безопасности. Турецкие исследователи М.Кочак и Ч.Г.Акгюль также отмечают, что, помимо этой прямой угрозы, приграничный участок Азез–Джараблус также представляет собой регион компактного проживания туркоманов, безопасность которых Турция рассматривает как свою собственную, и проводимая там наряду с обстрелами антитурецкая пропаганда YPG негативным образом сказывается на взаимодействии Анкары с данными этническими общинами.¹¹

Следует подчеркнуть, что ни одна трансграничная операция Турции против сирийских курдов не получила позитивной оценки со стороны США. В действительности единственной частично соответствующей интересам США турецкой военной кампанией в Сирии стала лишь начавшаяся в 2020 г. операция «Весенний щит», целью которой стали не отряды YPG, а противостояние сирийским войскам. Более того, данная кампания спровоцировала выгодную Западу эскалацию в регионе между Турцией и Россией, хотя она и была преодолена ими.

IV. Политико–дипломатический аспект взаимодействия Анкары и Вашингтона

Самостоятельная роль Турции в Сирии не входила в американский сценарий развития сирийского конфликта ни при администрациях Б.Обамы и Д.Трампа, отодвинувшего сирийский трек на второй план, ни при правительстве Дж.Байдена (2021–2024 годы). Турецкой Республике изначально отводилась роль вспомогательного механизма и связующего звена между исламистскими группами на случай необходимости их задействования, а не независимого актора, особенно в военном плане. Однако по мере обособления сирийского направления внешней политики Анкары от глобального американского Турция начала рассматривать Сирию не только как арену для борьбы с террористической угрозой, но и как плацдарм для тестирования возможностей своей военной техники, активно задействованной в ходе трансграничных операций.

* В переводе с турецкого «Террористическая организация Фетхуллага Гюлена».

Многочисленные переговоры и консультации, часто инициировавшиеся американской стороной в преддверии и в ходе турецких маневров, не приносили особых результатов. К примеру, после достижения Турцией и США в 2019 г. двустороннего соглашения по созданию «зоны безопасности» протяженностью более 400 км турецко–американские отношения зашли в тупик: американская сторона выражала недовольство политикой Анкары в регионе и ее заявлениями о намерении провести новые военные кампании, а Турция, в свою очередь, обвиняла США в затягивании процесса реализации оговоренных пунктов соглашения.¹²

На современном этапе политику Турции по Сирии, в этом смысле во многом копирующую политику самих США, наиболее точно описывает фраза Р.Т.Эрдогана: «Мы можем прийти внезапно однажды ночью»,¹³ сказанная им в 2022 г. в контексте заявления о подготовке турецкими вооруженными силами (ВС) очередной операции в районе сирийского Африна. Турция таким образом официально дала понять всем заинтересованным сторонам, что политика предварительных консультаций и согласований больше не является для нее образцовой. За основу, напротив, взята американская модель поведения, которая парадоксально вызывает протест у ее изобретателей.

Показательна аргументация турецких аналитиков относительно усилий Турции по ликвидации проблемных точек в отношениях с США: так, например, решение президента Д.Трампа о выводе основного контингента войск США из региона в 2018 г. нередко преподносится не как особенность внешнеполитического курса конкретного лидера, а как результат применения Турцией «принудительной дипломатии», вынудившей США вывести свои войска.¹⁴ Вместе с тем важно, что уже в 2022 г. турецкие СМИ одними из первых сообщали, что США вновь начали укрепляться на контролируемых YPG базах, предоставляя подробную информацию о дислокации американских сил, которая могла быть использована как вооруженными силами Сирии, так и иными недружественными США игроками. В частности, сообщалось о присутствии США на базе в районе г. Ат-Танф в провинции Хомс, а также в провинциях Хасеке, Ракка и Дэйр-эз-Зор.¹⁵

Определенная реактивизация США в Сирии связана с двумя существенными изменениями регионального и глобального баланса, которые произошли во второй половине 2021 г. Во-первых, речь идет о выводе американских войск из Афганистана в конце августа 2021 г. Судя по последовавшим после этого внешнеполитическим и военным решениям, Вашингтон не просто выводил военный контингент, но и эвакуировал специалистов в сфере разведки и стратегического планирования, которые были впоследствии передислоцированы в Восточную Европу (для подготовки и постепенной эскалации конфликта между Россией и Украиной), а также на Ближний Восток, с целью поддержания стратегического геополитического присутствия США в регионе. Во-вторых, усиление позиций Вашингтона в Сирии отчасти стало следствием официального завершения боевой миссии США в Ираке¹⁶ и вывода американских войск с территории этой страны по требованию Багдада в начале декабря 2021 г. Следует также подчеркнуть, что к тому моменту ВС США уже десять лет оккупировали северо–восточную часть Сирии, а граница между Ираком и Сирией по большей части представляет собой пустынную местность с отдельными дорогами и находящимися на этих дорогах населенными и контрольно–пропускными пунктами. Официальный Дамаск, в свою очередь, не имеет физических и политических возможностей для контроля сирийско–иракской границы на всем ее протяжении. Ведение Сирией активной прямой борьбы с США и самостоятельное (без участия

внешних акторов) противостояние американским геополитическим амбициям и интересам также не представляется возможным. В этих условиях на протяжении сирийского вооруженного конфликта неоднократно фиксировались случаи незаконного, с точки зрения как международного, так и национального права, перехода американских войск через границу из Ирака в Сирию и обратно (например, в конце 2018 г.).¹⁷

V. Энергетический фактор и вооруженные инциденты между США и Турцией

Дополнительным фактором, осложняющим взаимодействие Анкары и Вашингтона в Сирии, стала борьба за природные ресурсы севера страны. По мере развития кризиса и вовлечения в него все большего числа региональных и внерегиональных игроков США стали использовать сирийский конфликт в своих экономических интересах, ежедневно незаконно добывая в регионе порядка 220 тысяч баррелей нефти.¹⁸ В рамках своей политики исторического ревизионизма¹⁹ Турция считает некоторые регионы Сирии, ранее входившие в состав Османской империи, зоной своего влияния, несправедливо отторгнутой от государства по итогам мировой войны. В связи с этим деятельность в регионе американских компаний вызывает у Турецкой Республики преимущественно негативную реакцию. В 2023 г. турецко–американские противоречия прослеживались уже в риторике руководства Турции – в частности, официальный представитель президента Эрдогана И.Калын заявлял, что США используют борьбу с ИГИЛ в качестве предлога для нахождения в регионе Ближнего Востока, фактически подвергнув сомнению антитеррористическую миссию США.²⁰

В целом современные турецко–американские отношения в контексте сирийского кризиса носят двойственный характер: так, интенсивные дипломатические контакты сторон и обсуждение ими самых острых вопросов не помогают исключить столкновений «на земле». Бывший посол США в Катаре П.Н.Ферос отмечал, что сирийский кризис спровоцировал раскол между военными ведомствами США и Турции, однако на уровне министерств иностранных дел (МИД) противоречия между сторонами не были возведены в абсолют.²¹ Также с переизбранием Р.Т.Эрдогана на новый президентский срок в мае 2023 г. и обновлением правительства вербальный накал Турции в адрес США несколько снизился. Однако, несмотря на участвовавшие контакты Турции и США по линии МИД, в том числе по сирийскому кейсу, а также заявления главы турецкого внешнеполитического ведомства о том, что стороны постоянно обсуждают волнующие Турцию вопросы обеспечения безопасности,²² турецко–американское взаимодействие по Сирии не только не становится нейтральным, но и обретает все более конфронтационный характер.

Так, в 2022 г. большой резонанс вызвал нанесенный Турцией удар с применением БПЛА по возглавляемой США базе международной коалиции в Хасеке, используемой также связанными с YPG «Сирийскими демократическими силами».²³ Еще более ярким примером конфликтного взаимодействия Анкары и Вашингтона стало непосредственное столкновение сил двух союзников по НАТО в октябре 2023 г., когда в том же регионе ракетой американской коалиции был сбит турецкий БПЛА «Bayraktar», осуществлявший наблюдение за военной базой. Примечательно, что незадолго до этого министр национальной обороны Турции Я.Гюлер заявлял, что все курдские объекты в Сирии и Ираке являются законной целью турецких ВС.²⁴ После данного инцидента президент Турции раскритиковал

удар США, заявив, что подобное поведение «не подобает духу союзничества»,²⁵ и напомнив, что Турцию и США, помимо прочего, связывают обязательства в рамках Североатлантического альянса. При этом заявления и комментарии в англоязычной прессе оказались весьма сдержанные. Так, председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Дж.К.К.Браун сообщил прессе о незамедлительных консультациях с турецким коллегой, в ходе которых была обсуждена «необходимость следовать общим протоколам устранения конфликтов для обеспечения безопасности нашего [американского] персонала в Сирии после инцидента».²⁶

Сообщения о похожих инцидентах появлялись и ранее, однако не выносились в общественно–политическую плоскость и тем более редко комментировались официальными лицами. Например, в 2019 г. на фоне проводимой Турцией операции «Источник мира» в ведущей американской газете “The Washington Post” со ссылкой на неназванных бывших служащих Пентагона сообщалось о том, что ВС Турции намеренно произвели артиллерийские обстрелы сил США на северо–востоке Сирии, заведомо зная об их нахождении там.²⁷

Более того, информация о подобных инцидентах, поступающая от третьих сторон, часто и вовсе замалчивалась как турецкой, так и американской сторонами. Внимания заслуживает кейс с распространением в российских СМИ информации Центра РФ по примирению враждующих сторон в Сирии об обстреле протурецкими группировками конвоя США в ноябре 2019 г. Тогда эта информация не только не появилась ни в турецких, ни в американских и иных англоязычных СМИ, но и была опровергнута представителями министерства обороны США, к тому же обвинившими российские информагентства “Russia Today” и “Sputnik” в распространении «фейковой» информации и призвавшими общественность ориентироваться на данные западных СМИ.²⁸

VI. Перспективы взаимодействия США и Турции в Сирии

К середине 2024 г. США и Турция находились в положении шаткого баланса и паритета сил и средств, задействованных в региональных процессах. Этому в определенной степени способствовал как перенос значительной части внимания и ресурсов России с ближневосточного региона на пространство специальной военной операции (СВО), так и эскалация напряженности между Ираном и Израилем после начала операции ХАМАС «Потоп Аль-Акса» в октябре 2023 г. в Секторе Газа и на прилегающих территориях Израиля. Одним из важных «рубиконов» этого противостояния стал обмен ракетными ударами между Тель-Авивом и Тегераном в апреле 2024 г. после авиаудара Израиля по иранскому консульству в Дамаске и ответных шагов Ирана.

В начале января 2024 г. стали поступать сообщения об увеличении присутствия американских войск на севере Сирии на территориях под контролем курдов.²⁹ Однако уже к концу января эксперты, со ссылкой на высокопоставленных лиц в Белом доме, обсуждали, что нападение палестинского движения ХАМАС на Израиль привело к пересмотру Вашингтоном своих военных приоритетов в регионе.³⁰ Среди прочего, речь шла о возможном выводе войск США с территории Сирии, хотя и отмечалось, что такой шаг мог бы привести к «возрождению» ИГИЛ. При этом за скобками остается тот факт, что в XXI в. США регулярно использовали тезис «борьбы с терроризмом» именно с целью легитимизации своего незаконного оккупационного присутствия на территории суверенных государств.

Даже если Вашингтон примет решение о сокращении военного присутствия в Сирии, то оно, вероятно, будет осуществляться по тому же шаблону, в соответствии с которым силы США вывелись из Ирака, на территории которого до сих пор существует более чем двухтысячная группировка американских военных советников и специалистов. Таким образом, в краткосрочной и среднесрочной перспективе Анкаре следует быть готовой к взаимодействию с Вашингтоном не только в рамках глобального геополитического и информационного пространств, но и физически – «на земле» Сирии.

На современном этапе турецко–американское конфликтное взаимодействие по Сирии обременено множеством как имеющихся противоречий, так и пространств совпадения интересов и целей. В своей совокупности они создают ситуацию, в которой существуют определенные горизонты как возможностей (в силу наличия политической воли для совершения необходимых действий и уступок), так и откровенных угроз, создающих внешние краткосрочные и долгосрочные опасности и вызовы для отношений двух государств в условиях множественности внешних влияющих сопутствующих факторов.

Применение теории сценарного планирования по методу «неизбежного будущего»³¹ позволяет предположить, что в кратко- и среднесрочной перспективе в пространстве «невозможного будущего» находятся следующие тренды:

- (1) примирение Вашингтона и официального Дамаска;
- (2) отказ Турции от рассмотрения курдских формирований в качестве террористических групп и, как следствие, отказ от борьбы с ними вооруженными средствами;
- (3) отказ Турции от идейно–ценностных нарративов, лежащих в основе ее внешнеполитического курса, в особенности от идеологии «неоосманизма», в рамках которой северные регионы Сирии рассматриваются как исторически подконтрольные территории;
- (4) согласие Турции быть «ведомым» актором («играть на вторых ролях») в контексте сирийского кейса, в то время как США займут роль ведущей державы–гегемона.

В целом есть основания предполагать, что ключевые современные факторы, осложняющие турецко–американские отношения, существенно не изменятся. Вместе с тем элемент конфликтности в отношениях между Анкарой и Вашингтоном оказывается в области «неизбежного будущего», т. е. в целом почти любой сценарий развития двусторонних отношений в контексте сирийского кризиса в той или иной степени ведет к эскалации напряженности между двумя акторами. Дискуссионной остается лишь степень этой эскалации, которая не является постоянной, а зависит от совокупности стратегических и тактических интересов и целей каждого из акторов.

SWOT–анализ³² перспектив подобного взаимодействия дает следующие результаты:

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>1. Наличие большого опыта конструктивного и конфликтного взаимодействия «на земле» и в геополитическом региональном и глобальном пространствах.</p> <p>2. США и Турция входят в военно–политический блок НАТО, инфраструктура</p>	<p>1. США исходят из принципа получения максимальной выгоды любыми доступными средствами.</p> <p>2. Самостоятельная политика Турции в Сирии, без согласования позиций и действий с Вашингтоном.</p>

<p>которого создает основу взаимодействия и сотрудничества двух держав.</p>	<p>3. Турция рассматривает Сирию как плацдарм для тестирования техники и технологий военного назначения.</p> <p>4. Сирийский кейс для Вашингтона является одной из зон напряженности в рамках глобального курса, в то время как Анкара рассматривает данное направление в качестве отдельного, самостоятельного внешнеполитического вектора.</p> <p>5. Идеино–ценностные различия между двумя государствами и связанные с этим проблемы в диалоге между ними.</p> <p>6. Исторические особенности восприятия Турцией Сирии.</p>
<p>Возможности</p>	<p>Угрозы</p>
<p>1. В случае ослабления позиций России на региональной арене (в т. ч. ввиду «переключения» внимания на другие жизненно важные цели и интересы), Турция и США могут оказаться консолидирующими державами, которые будут формировать будущую архитектуру Сирии и через нее влиять на ключевые ближневосточные процессы.</p> <p>2. В случае прихода США и Турции к компромиссу по вопросу курдских формирований возможно укрепление влияния Вашингтона на региональные процессы, а также возвращение Анкарой себе тех территорий, которые она считает «исторически» своими.</p>	<p>1. Эскалация напряженности между Турцией и США вплоть до ограниченного прямого военного противостояния.</p> <p>2. Усиление борьбы в идейно–ценностном пространстве между Анкарой и Вашингтоном, что может привести к пересмотру каждым из игроков своих стратегических целей и задач, а также направлений взаимодействия.</p> <p>3. Возможности у США для более активного применения непрямого санкционного воздействия на Турцию для оказания давления на нее с целью изменения ее внешнеполитического вектора.</p> <p>4. Курдский фактор является одним из ключевых в отношениях двух держав. Неготовность США окончательно отказаться от поддержки малых формирований на территории Сирии (в полном соответствии с теориями «разделяй и властвуй» и «управляемого хаоса») может привести к серьезной эскалации на земле и усилению взаимодействия Турции с другими региональными державами (Сирией, Ираном и Ираком), выступающими против курдской автономии и суверенности.</p>

Соответственно, в области «пространства выбора» оказывается вся совокупность сценариев будущего, которые включают в себя как возможности, так и угрозы, указанные в таблице, суммирующей результаты SWOT–анализа. Из них «возможности» открываются только в случае изменения регионального баланса сил, который зависит от действий или бездействия внешних игроков.

В то же время «угрозы» в меньшей степени зависят от фактора третьих сил и находятся преимущественно в пространстве двустороннего взаимодействия Анкары и Вашингтона. С одной стороны, это делает их более предсказуемыми, поскольку существующие точки напряженности уже известны. Однако, с другой стороны, проведенное исследование показывает множественность узлов напряженности между Турцией и США, что свидетельствует о глубинных стратегических проблемах во взаимоотношениях двух государств. В результате вероятность возникновения и число негативных сценариев–угроз значительно выше, чем позитивных.

VII. Заключение

Турции и США не хватило навыков стратегического планирования для просчета всех возможных рисков на сирийском направлении. Турецкая Республика не рассматривала курдские формирования в качестве потенциальных союзников США, в то время как США не предполагали, что Турция станет самостоятельным актором в рамках сирийского кризиса. Накопление противоречий, усугубляемых иными внешнеполитическими сложностями, сделали из ближайшего союзника Вашингтона на Ближнем Востоке его ближайшего соперника и в конечном итоге привели к трансформации турецко–американского сотрудничества в конфликтное взаимодействие. Вместе с тем, стоит отметить, что это сотрудничество даже на заре «арабской весны» осуществлялось, скорее, в интересах США, которые рассматривали Анкару как своего посредника во взаимодействии с исламистскими игроками в Сирии и как опорную силу в борьбе против Б.Асада.

Турция и США изначально по-разному видели суть происходящего в Сирии. Если Турецкая Республика руководствовалась идеологическими соображениями, то Соединенные Штаты опирались исключительно на собственные интересы. На современном этапе главным предметом и источником двусторонних противоречий является курдский фактор и связанные с ним разночтения между Турцией и США в определении терроризма. Стоит отметить, что данная проблема характерна не только для турецко–американских отношений, но и, в частности, для российско–турецких, однако тесное взаимодействие Вашингтона с представителями курдских группировок, включая их вооружение, делает данный вопрос для Турции вызовом ее национальной безопасности.

Исходя из риторики официальных лиц Турции и США, а также степени освещенности разного рода инцидентов в СМИ двух стран, можно сделать вывод, что на раннем этапе сирийского конфликта стороны старались лишней раз не акцентировать внимание на сложностях и не выносить их в публичное пространство, предпочитая этому обсуждение проблемных вопросов в формате «за закрытыми дверями». При этом СМИ нередко выполняли сигнальную функцию и использовались для подсвечивания назревающих конфликтных узлов и «озабоченностей» сторон.

При этом проблемное турецко–американское взаимодействие в Сирии, в отличие от российско–турецкого, осложняет членство обеих государств в НАТО, где США видят себя лидером, чье главенство не может и не должно кем-либо оспариваться. Подобные гегемонистские амбиции приводят к дополнительному обострению конфликтного взаимодействия Анкары и Вашингтона, поскольку Турция все сильнее осознает и рассматривает себя в качестве самостоятельного игрока и требует отношений «на равных», а США все еще не могут смириться с ускоренной трансформацией системы международных отношений, которая

характеризуется все большим сдвигом мировой системы в сторону полицентричного миропорядка.

Таким образом, в перспективе конфликтное взаимодействие Турции и США, вероятнее всего, лишь усилится. В среднесрочной перспективе обострение существующих и возникновение новых противоречий может превратить «заклятых союзников» в прямых соперников, амбиций и интересы которых, как и их видение мира, будут постоянно сталкиваться.

В таких условиях для России наиболее важным является сохранение диалога с теми правящими элитами Турции, которые хотят и готовы идти на определенные взаимовыгодные компромиссы с целью сохранения и поддержания конструктивного взаимодействия между двумя странами как в Сирии, так и в регионе в целом, а также в рамках более широкого двустороннего сотрудничества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Ред. В.В.Наумкин, Д.Б.Мальшева. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

² Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев, К.В.Мещерина. – Волгоград: Учитель, 2018. С. 388.

³ Там же.

⁴ Özcan A., Özdemir E. Kore'den Suriye'ye Türk ordusu sınır ötesi hareketler. – İstanbul: Yeditepe, 2023. P. 349.

⁵ Ibid. P. 174–175.

⁶ Ibid.

⁷ Dewanee A. The Democratic Union Party (PYD) and People's Protection Units (YPG) in Turkish official discourse // World Affairs. 2022. V. 185. № 1. P. 67.

⁸ Macaron J. Biden in Ankara enticing Erdogan to weigh his options // Arab Center Washington DC [online resource]. 24.08.2016. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/biden-in-ankara-enticing-erdogan-to-weigh-his-options> (accessed 10.05.2024).

⁹ Лихоманов П. США потребовали от Турции прекратить операцию «Щит Евфрата» // Российская газета. 29 августа 2016.

¹⁰ Байден прибывает в Анкару, чтобы укрепить отношения Турции и США на фоне кризиса // ТАСС. 24.08.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3561487> (дата обращения 10.05.2024).

¹¹ Türkiye'nin terörizm ile mücadelesi: Kavram Süreç ve Yöntem. Ed. M.Aslan. – Ankara: SETA Kitapları, 2023. P. 353.

¹² Özcan A., Özdemir E. Op. cit. P. 174.

¹³ Эрдоган допустил внезапное начало военной операции в Сирии // РИА Новости. 01.07.2022. URL: <https://ria.ru/20220701/siriya-1799521045.html> (дата обращения 10.05.2024).

¹⁴ Yalçın H. B. Asimetrik savaş: Fırat Kalkanı, Zeytin Dalı, Barış Pınarı. – Ankara: SETA Kitapları, 2020. P. 322.

-
- ¹⁵ ABD Suriye'deki iki üssünü yeniden faaliyete geçirecek // Anadolu Ajansı. 27.04.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/abd-suriyedeki-iki-ussunu-yeniden-faaliyete-gecirecek/2574047> (accessed 10.05.2024).
- ¹⁶ U.S. forces withdrew from Ein Al-Asad base in Iraq // Al Mayadeen Net. 20.12.2021. URL: <https://english.almayadeen.net/news/politics/us-forces-withdrew-from-ein-al-asad-base-in-iraq> (accessed 10.05.2024).
- ¹⁷ ما حقيقة نقل القوات الأمريكية من سوريا إلى قاعدتين عسكريتين في العراق // Sputnik Arabic. 31.12.2018. URL: <https://sarabic.ae/20181231/1037926102-القوات-الأمريكية-العراق-سوريا.html> (accessed 10.05.2024).
- ¹⁸ В ГРУ рассказали, как американские компании расхищают ресурсы Сирии // РИА Новости. 16.08.2022. URL: <https://ria.ru/20220816/siriya-1810052345.html> (дата обращения 13.05.2024).
- ¹⁹ Цибенко В. В. Столетие формирования парадигмы исторического сознания в Турецкой Республике: основные акторы и базовые сюжеты // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 4 (4). С. 61.
- ²⁰ Швайковский А. Власти Турции считают, что США не борются с ИГ в Сирии // Российская газета. 25 марта 2023.
- ²¹ Çelikaslan M. N. Türk–Amerikan ilişkileri: Suriye Gerilimi // Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi. 2021. V. 4. № 2. P. 382.
- ²² Bakan Fidan: Türkiye, bölgesinde istikrarı hakim kılmak için elindeki bütün araçları kullanma konusunda kararlı // Anadolu Ajansı. 19.03.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/bakan-fidan-turkiye-bolgesinde-istikrari-hakim-kilmak-icin-elindeki-butun-araclari-kullanma-konusunda-kararli/3168018> (accessed 13.05.2024).
- ²³ Турция нанесла удар по базе международной коалиции в Сирии // Lenta.ru. 22.11.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/22/turkiestrikes> (дата обращения 13.05.2024).
- ²⁴ Milli Savunma Bakanı Güler: Suriye ve Irak'ta terör örgütünün tüm tesis ve faaliyetleri bundan sonra meşru hedefimizdir // SonDakika. 04.10.2023. URL: <https://www.sondakika.com/guncel/haber-son-dakika-milli-savunma-bakani-guler-suriye-ve-16397778> (accessed 16.05.2024).
- ²⁵ Avrupa'nın bütünleşmesi ancak Türkiye'nin Birliğe tam üyeliğiyle tamamlanacaktır // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı [Official web-site of the Presidency of the Turkish Republic]. 10 October 2023. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/149793/-avrupa-nin-butunlesmesi-ancak-turkiye-nin-birlige-tam-uyeligiyile-tamamlanacaktır-> (accessed 16.05.2024).
- ²⁶ Цит. по: U.S. fighter jet downs a drone belonging to NATO ally Turkey over Syria, officials say // CNN. 05.10.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/05/politics/us-downs-turkey-drone-syria/index.html> (accessed 16.05.2024).
- ²⁷ Lamothe D. U.S. forces say Turkey was deliberately “bracketing” American troops with artillery fire in Syria // The Washington Post. 12 October 2019.
- ²⁸ Özcan A., Özdemir E. Op. cit. P. 234.
- ²⁹ الجيش الأمريكي يرسل تعزيزات عسكرية إلى قواعد بشمال سوريا // Al Jazeera. 07.01.2024. URL: <https://www.aljazeera.net/news/2024/1/7/الجيش-الأميركي-يرسل-تعزيزات-عسكرية-إلى-قواعد-بشمال-سوريا> (accessed 16.05.2024).
- ³⁰ فورين بوليسي: واشنطن تخطط لسحب قواتها من شمال سوريا // Al Jazeera. 24.01.2024. URL: <https://www.aljazeera.net/news/2024/1/24/فورين-بوليسي-واشنطن-تخطط-لسحب-قواتها-من-شمال-سوريا> (accessed 16.05.2024).
- ³¹ Ютанов Н., Переслегин С. Неизбежное будущее в сценарном планировании // Инновационная экономика. 2008. № 2 (112). С. 43–47.

³² SWOT–анализ – метод анализа, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды организации и разделении их на четыре категории: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы). Метод SWOT–модели был впервые предложен в середине 1960-х годов американскими экономистами для разработки стратегии поведения фирмы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). Ред. В.В.Наумкин, Д.Б.Малышева. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. 504 с.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ред. Л.Е.Гринин, А.В.Коротаев, К.В.Мещерина. – Волгоград: Учитель, 2018. 568 с.
- Цибенко В. В. Столетие формирования парадигмы исторического сознания в Турецкой Республике: основные акторы и базовые сюжеты // Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 4 (4). С. 42–63. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.03.
- Ютанов Н., Переслегин С. Неизбежное будущее в сценарном планировании // Инновационная экономика. 2008. № 2 (112). С. 43–47.
- Dewanee A. The Democratic union party (PYD) and People’s protection units (YPG) in Turkish official discourse // World Affairs. 2022. V. 185. № 1. P. 59–90. DOI: 10.1177/00438200211063520.
- Çelikaşlan M. N. Türk–Amerikan İlişkileri: Suriye Gerilimi // Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi. 2021. V. 4. № 2. P. 375–384. DOI: 10.33712/mana.973019.
- Özcan A., Özdemir E. Kore’den Suriye’ye Türk ordusu sınır ötesi hareketler. – İstanbul: Yeditepe, 2023. 303 p.
- Türkiye’nin terörizm ile mücadelesi: Kavram, Süreç ve Yöntem. Ed. M.Aslan. – Ankara: SETA Kitapları, 2023. 355 p.
- Yalçın H. B. Asimetrik savaş: Fırat Kalkanı, Zeytin Dalı, Barış Pınarı. – Ankara: SETA Kitapları, 2020. 366 p.

BIBLIOGRAPHY

- Aslan M. (ed.). (2023). *Türkiye’nin Terörizm ile Mücadelesi: Kavram, Süreç ve Yöntem*. Ankara: SETA Kitapları. 355 p.
- Dewanee A. (2022). The Democratic union party (PYD) and People’s protection units (YPG) in Turkish official discourse. *World Affairs*. V. 185. No. 1. P. 59–90. DOI: 10.1177/00438200211063520.
- Çelikaşlan M. N. (2021). Türk–Amerikan İlişkileri: Suriye Gerilimi. *Uluslararası Yönetim Akademisi Dergisi*. V. 4. No 2. P. 375–384. DOI: 10.33712/mana.973019.
- Grinin L. E., Korotaev A. V., and Meshcherina K. V. (eds.). (2018). *Sistemnyi monitoring global’nykh i regional’nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Volgograd: Uchitel’. 568 p.
- Naumkin V. V. and Malysheva D. B. (eds.). (2015). *Konflikty i voyny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika)* [Conflicts and Wars of the 21st Century (Middle East and North Africa)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. 504 p.
- Özcan A. and Özdemir E. (2023). *Kore’den Suriye’ye Türk ordusu sınır ötesi hareketler*. İstanbul: Yeditepe. 303 p.
- Tsibenko V. V. (2023). Stoletie formirovaniya paradigmy istoricheskogo soznaniya v Turetskoi Respublike: osnovnyie aktory i bazovyye syuzhety [Hundredth anniversary of the formation of the historical consciousness paradigm in the Republic of Turkey: main actors and basic narratives]. *Blizhnii i Postsovetiskii Vostok* [Middle and Post-Soviet East]. No. 4 (4). P. 42–63. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.03.
- Yalçın H. B. (2020). *Asimetrik savaş: Fırat Kalkanı, Zeytin Dalı, Barış Pınarı*. Ankara: SETA Kitapları. 366 p.
- Yutanov N. and Pereslegin S. (2008). Neizbezhnoye budushcheye v stsensarnom planirovanii [Inevitable future of scenario planning]. *Innovatsionnaya ekonomika* [Innovation Economy]. No. 2 (112). P. 43–47.